

ТЕКСТ В ПАРАДИГМАХ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 811.161.1
ББК 81.2

Дата поступления статьи: 23.11.2020
Дата решения о публикации: 01.12.2020

РЕЧЕЭТИКЕТНАЯ СИТУАЦИЯ «ИЗВИНЕНИЕ» В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Т. А. Бак

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Опорой при исследовании и кодификации современного этикета общения может стать речевой этикет русского дворянства, зафиксированный прежде всего в русской классической литературе. Проводимый в статье анализ ситуаций речевого этикета с общим условным названием «Извинение» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» позволяет расширить представление о типологии таких ситуаций, о классификационных признаках принесений извинения (метакоммуникативных и конвенциональных извинений) и просьб о прощении (извинений по существу). Рассматриваются особенности функционирования единиц речевого этикета и других вербальных средств, используемых в данных ситуациях. Выявляется значительная роль паралингвистической составляющей при принесении извинения и просьбе о прощении. Особо рассматривается выражение интенционального значения высказывания в косвенных извинениях, а также в молитве. Приводятся примеры рече-поведенческих тактик аггравации и минимизации деликта. Рассматривается специфика так называемых «заместительных извинений» в романе. На примерах из текста показано отличие метакоммуникативных, конвенциональных извинений и извинений по существу с точки зрения требуемой вербальной реакции адресата. Производится сравнение реализации ситуаций извинения и просьбы о прощении в дворянском речевом этикете и современном этикете общения. Делается вывод о том, что отличие состоит в социостилистических характеристиках и частотности употребления некоторых этикетных формул: ряд речеэтикетных единиц, используемых в ситуации «Извинение» в этикете общения дворян, в современном этикете маркированы как особо вежливые и нехарактерны для узуса. Кроме того, существует различие и в частотности использования извинений в общении, что обусловлено частотой грубого и вежливого коммуницирования тогда и сейчас.

Ключевые слова: речевой этикет; метакоммуникативные извинения; конвенциональные извинения; извинения по существу; просьба о прощении; дворянство.

UDC 811.161.1
LBC 81.2

Date of receipt of article: 23.11.2020
Date of publication decision: 01.12.2020

SPEECH ETIQUETTE SITUATION “APOLOGIZING” IN L. TOLSTOY’S ANNA KARENINA

T. A. Bak

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. *The speech etiquette of the Russian nobility that is largely recorded in the Russian classical literature can become a reference when studying and codifying the modern etiquette of communication. The article provides an analysis of speech etiquette situations with a general conventional name "Apologizing" in L. Tolstoy's 'Anna Karenina'. This analysis gives an opportunity to broaden understanding of the typology of such situations and of the classification attributes of presenting one's apologies (metacommunicative and conventional apologies) and requests for forgiveness (substantive apologies). The article deals with the peculiarities of functioning of speech etiquette units and other verbal means used in these situations. The author reveals a considerable role of the paralinguistic component in presenting one's apologies and requests for forgiveness. The work particularly considers the expression of the intentional meaning of the statement in indirect apologies as well as in a prayer. The article provides examples of the speech-behavioural tactics of delict aggravation and minimization. The article regards the peculiarity of the so-called 'substitutive apologies' in the novel is examined. The examples from the text demonstrate the difference between metacommunicative, conventional and substantive apologies in terms of the required verbal reaction of the addressee. The author compares the implementation of presenting one's apologies and requests for forgiveness in the aristocratic speech etiquette with the modern etiquette of communication. The author draws a conclusion that the difference is in sociostylistic characteristics and usage frequency of some etiquette formulas: a number of speech etiquette units used in the 'Apologizing' situation in the aristocratic etiquette of communication are marked as extra polite and are untypical for customary usage. Moreover, there is also a difference in frequency of using apologies in communication that is determined by frequency of rude and polite intercourse at that time and nowadays.*

Keywords: *speech etiquette; metacommunicative apologies; conventional apologies; substantive apologies; request for forgiveness; the nobility.*

Описание, изучение и кодификация характерного для современной России этикета общения не могут осуществляться без опоры на речевые традиции прошлого, в том числе на этикет общения, который был присущ высокой аристократической культуре русского дворянского общества. Дворянский речевой этикет зафиксирован прежде всего в произведениях русской классической литературы, и одним из подходов к его изучению может быть анализ ситуаций речевого этикета героев-дворян в рамках одного художественного произведения. В настоящей статье рассматривается ситуация с общим условным названием «Извинение» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», который можно считать в определённом смысле «энциклопедией» дворянского этикета общения второй половины XIX столетия.

Проблемным является вопрос о типологии ситуаций «Извинение». С точки зрения присутствующей в них коммуникативной цели, а также степени серьёзности проступка эти ситуации, по мнению Л. Н. Чиновой [16], следует разделять на принесения извинения и просьбы о прощении. Ренате Ратмайр классифицирует «извинения» в зависимости от повода, породившего такую ситуацию, а также от того, «какие конверсационные (диалоговые) обязательства они порождают» [8, с. 116], и выделяет метакоммуникативные, конвенциональные извинения и «извинения по существу» (то есть по серьёзным поводам), при этом характеристики метакоммуникативных и конвенциональных извинений, описываемые Р. Ратмайр, позволяют отнести эти этикетные интеракции к ситуациям принесения извинения (в терминологии Л. Н. Чиновой), а «извинение по существу» можно считать термином, синонимичным «просьбе о прощении», что подтверждается словами самой Р. Ратмайр: «В извинениях по существу полностью сохраняется семантика просьбы о прощении» [8, с. 179].

В качестве ведущих коммуникативных целей и речевых интенций в ситуациях принесения извинения исследователи называют «выражение сожаления по поводу своего поступка» [16, с. 279], «удовлетворение социальных ожиданий окружающих» [1, с. 14], поддержание собственного имиджа вежливого человека и демонстрацию уважения адресата (Р. Ратмайр), представление «говорящего как вежливого человека, признающего общественные нормы» [8, с. 52], а в ситуациях просьбы о прощении –

«получение прощения» [16, с. 279], модифицирование отношения адресата к адресанту – прощение [1, с. 14], желание «восстановить хорошие отношения с адресатом» [8, с. 241].

В ситуациях принесения извинения степень серьёзности проступка, вины адресанта является незначительной. При этом поводом для метакоммуникативных извинений являются нарушения максим общения и речевого этикета, для конвенциональных – нарушения общих правил поведения и вежливости. Повод для просьбы о прощении (извинения по существу) должен быть серьёзным. Р. Ратмайр рассматривает континуум поводов для «извинений», где на одном полюсе находятся нарушения правил хорошего тона, а на другом – действительно тяжкая вина.

Чем более существенным является повод, находящийся в пресуппозиции ситуации «Извинение», тем более трудоёмкой должна быть формулировка высказывания адресанта. Принесения извинения имеют краткие формулировки, зачастую ограничиваются стандартными этикетными формулами, тогда как просьбы о прощении (извинения по существу) «в обязательном порядке нужно формулировать более весомо» [8, с. 179], поэтому они более многословные, расширенные интенсификаторами, объяснениями, признанием своей вины, выражением готовности исправить ситуацию и т. п.

С точки зрения положения относительно повода для извинения метакоммуникативные извинения бывают чаще превентивными, а конвенциональные извинения и извинения по существу, как правило, ретроспективные.

Как отмечает Р. Ратмайр, метакоммуникативные извинения не требуют или даже не допускают вербальной реакции, конвенциональные извинения требуют конвенциональной ответной реплики, а извинения по существу предполагают дифференцированную вербальную реакцию: прощение, минимизацию, отказ в прощении.

Существенным отличием ситуаций принесения извинения от просьб о прощении является характер реализации функционально-семантической категории вежливости. При принесении извинения проявление вежливости, посыл знака вежливости адресату являются приоритетом, а при просьбе о прощении демонстрация вежливости представляет собой не главную цель, а лишь прагматическое условие достижения коммуникативной цели. По словам Р. Ратмайр, «если <...> в центре внимания стоит некоторый серьёзный повод, понятие «вежливость» не будет адекватной категорией для описания поведения» [8, с. 22]. Р. Ратмайр отмечает и такую зависимость: «Взаимосвязь извинения и вежливости состоит в том, что по мере уменьшения вины возрастает степень присущей извинению вежливости» [8, с. 244]. Таким образом, проявление вежливости является доминирующим именно в ситуациях принесения извинения, а единицы речевого этикета в таких ситуациях выступают как актуализаторы вежливости, смягчающие неблагоприятные для адресата речевые (отказ, возражение, несогласие, перебивание и т. п.) и неречевые действия говорящего. В ситуации принесения извинения развёрнутость формулировки и вежливость соотносятся следующим образом: «Чем больше слов содержит извинение, тем оно вежливее» [8, с. 110].

В ситуациях принесения извинения отсутствуют какие-либо сильные эмоции говорящего. Просьбы о прощении эмоционально окрашены.

Все вышеизложенные классификационные признаки обнаруживаются в ситуациях с условным названием «Извинение» в тексте романа «Анна Каренина».

Рассмотрим ситуации принесения извинения в романе и используемые в них речезыкетные единицы. В качестве примера такой ситуации Л. Н. Чинова приводит следующий диалог из романа «Анна Каренина»:

– *Что ж, нашли брата?* – *сказала Вронская, обращаясь к даме.*
Вронский вспомнил теперь, что это была Каренина.

– Ваш брат здесь, – сказал он, вставая. – **Извините меня**, я не узнал вас, да и наше знакомство было так коротко, – сказал Вронский, кланяясь, – что вы, верно, не помните меня.

– О, нет, – сказала она, – я бы узнала вас, потому что мы с вашей матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о вас [10, т. 18, с. 67].

В реплике Вронского речевая интенция принесения извинения выражена формулой *Извини(-те)!*, представляющей собой десемантизированный императив. Эта формула в современном этикете общения является наиболее частотной и стилистически нейтральной в случае небольшого проступка. Распространителем для единицы *Извини(-те)!* может быть указывающее на адресанта местоимение в винительном падеже, которое придаёт этикетной формуле гораздо более личностный характер, пропозициональная часть высказывания может содержаться в придаточном предложении, а слово *пожалуйста* делает принесение извинения более вежливым:

– Но не будем говорить. **Извини меня, пожалуйста, если я был груб с тобой**, – сказал Левин [10, т. 18, с. 182].

При небольшом проступке, наряду с *Извини(-те)!*, в романе используется и этикетная единица *Прости(-те)!* (с факультативным местоименным распространителем):

– **Простите меня**, если вам неприятно то, что я сказал, – заговорил он [Вронский] покорно [10, т. 18, с. 109].

В ситуациях принесения извинения в романе часто используется этикетная единица *Виноват(-а)* без распространителей:

– Но **виновата**, я вас перебила, вы хотели сказать... [Анна Левину] [10, т. 19, с. 275] (Пример метакоммуникативного извинения).

– **Виноват, господа!** – сказал он [Левин], выбегая на крыльцо [10, т. 19, с. 149]. (Извинение за опоздание; пример конвенционального извинения).

В современном речевом этикете формула *Виноват(-а)* как извинение за малый проступок не обладает той частотностью, которую мы наблюдаем в речи дворян в романе «Анна Каренина», значительно уступает по частоте использования единицам *Извини(-те)!* и *Прости(-те)!* и свойственна скорее интеллигентам старшего поколения.

Просьба извинить эксплицитно выражается в романе в этикетной единице (*Я*) *прошу (тебя) извинить меня*: «В таком случае **я прошу тебя извинить меня**» [10, т. 18, с. 156].

Принесение извинения за решительное возражение, несогласие может быть выражено «риторической просьбой о разрешении» [8, с. 102] с помощью формулы *Позвольте!*, которая «редко используется в современной речи» [8, с. 102] и является скорее свойственной интеллигентам:

– То есть, **позвольте**, почему ж вы знаете, что вы потеряете время? [10, т. 18, с. 95].

– **Позвольте**, вы, кажется, ставите меня в положение обвиняемого, – проговорил Алексей Александрович [10, т. 19, с. 302]. (Оба этих примера иллюстрируют метакоммуникативное извинение).

В романе есть пример ситуации извинения с употреблением нескольких этикетных формул в одном высказывании, что делает речевой акт извинения более «весомым»:

В дверях губернский предводитель столкнулся с Левиным.

– **Виноват, извините, пожалуйста**, – сказал он, как незнакомому; но, узнав Левина, робко улыбнулся [10, т. 19, с. 230]. (Пример конвенционального извинения).

В «Анне Карениной» находим ситуации принесения извинения с помощью контекстуально-ситуативных речевых актов (косвенные извинения):

– **Я не во время, кажется, слишком рано**, – сказал он [Левин], оглянув пустую гостиную. <...>

– *О нет*, – сказала Кити и села к столу [10, т. 18, с. 52].

– *Так вот, княгиня, я за вас бессовестно хватаюсь, как за якорь спасения. Помогите мне уговорить ее писать ему и требовать развода!* [Вронский Дарье Александровне] [10, т. 19, с. 203]

Выделенные высказывания, будучи изолированными от контекста, не обладают значением принесения извинения. Эта коммуникативная интенция обнаруживается в них только в ситуации общения и содержится в имплицитных перформативных приставках *Простите, если* и *Простите, что*. Так, высказывание *Я не вовремя, кажется, слишком рано* синонимично фразе **Простите, если** *я не вовремя, слишком рано*, причём синонимичность основывается и на общем значении эвентуальности в семантике вводного слова «кажется» и союза «если». Здесь уместно замечание Р. Ратмайр о том, что выражение как условия, так и сомнения является «пропозициональным ограничением извинения» [8, с. 109], которое несколько ослабляет извинение. Ответная реплика Кити *О нет* имеет в том числе и интенциональный смысл снятия вины. Также вполне тождественны высказывания *Я за вас бессовестно хватаюсь, как за якорь спасения* и **Простите, что** *я за вас хватаюсь, как за якорь спасения*. Содержащееся в пропозиции обстоятельство «бессовестно» (негативная оценка своих действий) имплицитно признаёт вронским своей вины и, соответственно, просьбу её снять. В следующем примере содержащаяся в контекстуально-ситуативном речевом акте интенция извинения поясняется в словах автора с помощью интенционального глагола речи (в форме деепричастия):

– **Да, мы здесь очень чопорны**, – сказала она, как бы **извиняясь** за свою нарядность [10, т. 19, с. 204].

В этом высказывании Анны содержится описание положения дел и признание его неправильности. «Такие описания положения дел, – пишет Р. Райтмар, – занимают самое крайнее положение в континууме косвенных извинений (т. е. являются самым слабым косвенным извинением)» [8, с. 119]. Извинение также может быть косвенно выражено ссылкой на ненамеренность действия:

– *Я, право, не хотела вас огорчить*, – сказала Варенька улыбаясь [10, т. 18, с. 249]. (С интенсификатором извинения *право* в данном примере).

К косвенным извинениям «нужно отнести и просьбы не сердиться, поскольку они являются имплицитным признанием правомерности отрицательных эмоций адресата» [8, с. 100]. В тексте романа просьбы не сердиться в большинстве случаев соединены с эксплицитным признанием вины:

– *Ну полно, Саша, не сердись!* – сказал он [Михайлов] ей, робко и нежно улыбаясь. – *Ты была виновата. Я был виноват. Я все устрою. – И, помирившись с женой, он надел оливковое с бархатным воротничком пальто и шляпу и пошел в студию* [10, т. 19, с. 37].

– *Но не будем говорить. Извини меня, пожалуйста, если я был груб с тобой*, – сказал Левин. *Теперь, высказав всё, он опять стал тем, каким был поутру. – Ты не сердись на меня, Стива? Пожалуйста, не сердись*, – сказал он и улыбаясь взял его за руку [10, т. 18, с. 182].

Сложно квалифицировать ситуацию, в которой говорящий просит адресата не сердиться, но при этом отрицает свою вину:

– **Алексей! Не сердись на меня. Пожалуйста, пойми, что я не виновата**, – заговорила Варя, с робкою улыбкой глядя на него [10, т. 19, с. 101].

С одной стороны, непризнание адресатом за собой вины не позволяет считать такую ситуацию принесением извинения, так как «извинение <...> всегда содержит осуждение деятелем своих действий» [8, с. 70]. С другой стороны, просьба не сердиться смягчает, делает более вежливым отстаивание своей позиции адресантом,

возможно, имплицитно сожалеет о том, что сложились такие неприятные обстоятельства, а также извинение за отказ принять на себя вину. Просьба не сердиться, наряду с формулами *пожалуйста*, *пойми*, несомненно, выполняет здесь этикетную функцию.

Возникает вопрос и об отнесении следующего диалога к ситуации принесения извинения:

– Ну, как тебе не совестно! Я не понимаю, как можно быть такой неосторожной! – с досадой напал он [Левин] на жену.

– Я, ей Богу, **не виновата**. Только что хотели уйти, тут он развоzilся. Надо было его переменить. Мы только что... – стала **извиняться** Кити [10, т. 19, с. 394].

Здесь непризнание вины говорящим сочетается с объяснениями, которые «не могут сами по себе выполнять роль извинений, поскольку объяснение, хотя и предоставляет признание наличия смягчающих обстоятельств, но со стороны говорящего не является признанием вины» [8, с. 104 – 105]. Содержащийся в авторском комментарии интенциональный глагол *извиняться* употреблён здесь не в значении «просить прощения», а в значении «оправдываться, приводить что-нибудь как смягчающее обстоятельство» (имеющем в словарях помету «устаревшее»). Всё это позволяет сделать вывод, что данная ситуация принесением извинения не является.

Обратимся к ситуациям просьбы о прощении (извинения по существу) в романе «Анна Каренина». Прежде всего отметим, что в этих ситуациях, как и при принесении извинения, часто может использоваться формула *Прости(-те)!*, а единица *Извини(-те)!* при просьбе о прощении невозможна. Так, уличённый в супружеской неверности Степан Аркадьевич говорит жене:

– Долли, что я могу сказать?.. Одно: – **прости, прости...** [10, т. 18, с. 13].

Повторение формулы в данном случае усиливает иллокутивную силу речевого акта. По словам Н. И. Формановской, в ситуации просьбы о прощении «в диалогическом единстве первая реплика-стимул может разворачиваться по горизонтали свободно построенными фразами, более или менее подробно объясняющими причину проступка, вины. Здесь могут быть также обещания исправиться, заверения не совершать больше подобного и т. п. Свободно построенные фразы не поддаются учёту в речевом этикете» [15, с. 125]. В тексте романа находим примеры таких свободных фраз, остающихся за рамками стереотипных речезыкетных единиц просьбы о прощении, но составляющих их окружение:

– Долли! – проговорил он [Стива], уже всхлипывая. – Ради Бога, подумай о детях, они не виноваты. Я **виноват**, и накажи меня, вели мне искупить свою вину. Чем я могу, я все готов! Я **виноват**, нет слов сказать, как я виноват! Но, Долли, **прости!** [10, т. 18, с. 14].

Степень серьёзности вины коррелирует со сложностью формулировки просьбы о прощении и количеством средств, которые в ней комбинируются. В данном случае просьба или, скорее, даже мольба о прощении («*прости!*») усиливается препозитивным и интерпозитивным обращениями, невербальным сопровождением («*всхлипывая*»), аргументом по поводу судьбы совместных детей, сопровождаемым экспрессивным выражением *Ради Бога*, признанием своей вины, её глубины («*нет слов сказать, как я виноват!*»), готовностью понести наказание и искупить свою вину. Другой пример просьбы о прощении (извинения по существу):

Левин помолчал, потом пригляделся к ее бледному, испуганному лицу и вдруг схватился за голову.

– Катя, я измучал тебя! Голубчик, **прости меня!** Это сумасшествие! Катя, я кругом **виноват**. И можно ли было из такой глупости так мучаться?

– Нет, мне тебя жалко.

– Меня? Меня? Что я? Сумасшедший!.. А тебя за что? Это ужасно думать, что всякий человек чужой может расстроить наше счастье.

– Разумеется, это-то и оскорбительно...

– Нет, так я, напротив, оставляю его нарочно у нас всё лето и буду рассыпаться с ним в любезностях, – говорил Левин, целуя ее руки. – Вот увидишь [10, т. 19, с. 148].

Здесь достижению коммуникативной цели способствуют повторение обращения, употребление регулятива *голубчик*, признание вины, самоукорение, самоуничижение, использование интенсификатора («**кругом виноват**»), а также восклицаний и риторических вопросов, выражение готовности исправить ситуацию, невербальное сопровождение («*схватился за голову*», «*целуя ее руки*»). Краткое прилагательное *виноват* также часто используется в речи героев романа в случае большого проступка, но, как видно из двух вышеприведённых примеров, в отличие от ситуации принесения извинения, где это прилагательное употребляется без распространителей, при просьбе о прощении оно включено в более или менее свободно построенные фразы.

Два приведённых выше фрагмента из романа являются иллюстрациями речеповеденческих тактик аггравации деликта (вины), служащих достижению стратегической цели – прощения. Как уже было выше отмечено, это демонстрация самоуничижения, отчаяния, стремления понести наказание и т. д. Но есть пример и тактики минимизации деликта, в которую «встроены» этикетные формулы *Прости*. Эту тактику Степан Аркадьевич пытается применить в своём объяснении с женой, что, однако, не приводит к желаемому перлокутивному эффекту:

– Долли, что я могу сказать?.. Одно: – **прости, прости...** Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить **минуты, минуты...**

Она опустила глаза и слушала, ожидая, что он скажет, как будто умоляя его о том, чтобы он как-нибудь разуверил ее.

– **Минуты... минуты увлеченья...** – выговорил он и хотел продолжать, но при этом слове, будто от физической боли, опять поджались ее губы и опять запрыгал мускул щеки на правой стороне лица.

– Уйдите, уйдите отсюда! – закричала она еще пронзительнее, – и не говорите мне про ваши увлечения и про ваши мерзости! [10, т. 18, с. 13 – 14].

Следует отметить, что данная ситуация просьбы о прощении имеет продолжение и после примирения супругов: «*Весь вечер, как всегда, Долли была слегка насмешлива по отношению к мужу, а Степан Аркадьич доволен и весел, но настолько, чтобы не показать, что он, будучи **прощен**, забыл свою **вину***» [10, т. 18, с. 80]».

От всех вышеприведённых ситуаций, в которых чётко представлены прагматические координаты «я – ты – здесь – сейчас», отличаются ситуации опосредованной просьбы о прощении (Р. Ратмайр называет их «заместительными извинениями» [8, с. 46]). Прежде всего, это просьбы простить другое лицо. Такую просьбу мы встречаем в рассказе Вронского княгине Бетси, в котором Вронский сообщает, как он просил титулярного советника простить его товарищей: «*Я согласен, что поступок их нехорош, но прошу вас принять во внимание недоразумение, молодость; потом молодые люди только позавтракали. Вы понимаете. **Они раскаиваются от всей души, просят простить их вину***» [10, т. 18, с. 138]. С подобной же просьбой Левин обращается к Долли:

– Ну, **прости ее** [Машу], Долли! **Она не будет**, – сказал он про маленькую преступницу, которая не шла к Фанни, и нерешительно стояла против матери, исподлобья ожидая и ища ее взгляда [10, т. 19, с. 176].

Анна просит Левина передать Кити свои слова, в которых присутствует и интенция просьбы о прощении, и проявление симпатии (Р. Ратмайр рассматривает проявление симпатии как один из видов косвенного извинения):

– *Передайте вашей жене, что я люблю ее как прежде, и что если она не может простить мне мое положение, то я желаю ей никогда не прощать меня. Чтобы простить, надо пережить то, что я пережила, а от этого избави ее Бог.*

– *Непременно, да, я передам...* – краснея говорил Левин [10, т. 19, с. 279].

Особо следует сказать о ситуациях просьбы о прощении и актах прощения, которые мы встречаем в романе в покаянной и разрешительной молитвах. Рассмотрим следующее обращение Левина к Богу:

– *Господи, помилуй! прости, помоги!* – твердил он [Левин] как-то вдруг неожиданно пришедшие на уста ему слова. И он, неверующий человек, повторял эти слова **не одними устами**. Теперь, в эту минуту, он знал, что все не только сомнения его, но та невозможность по разуму верить, которую он знал в себе, нисколько не мешают ему **обращаться к Богу**. Всё это теперь, как прах, слетело с его души. К кому же ему было **обращаться**, как не к Тому, **в Чьих руках он чувствовал себя, свою душу и свою любовь?** [10, т. 19, с. 286].

По словам В. П. Руднева, «молитва – речевой акт: для того чтобы молитва дошла до Бога, она должна быть успешной, обладать исчерпывающей "иллокутивной силой"» [9, с. 146]. В православии утверждается, что, для того чтобы молитва была принята Богом, она должна быть произнесена со вниманием, благоговением и покаянием. То есть только при этих условиях молитва как речевой акт обретает «иллокутивную силу». Молитва Левина, по-видимому, соответствует этим трём условиям: авторские слова о том, что Левин обращается к Богу и обращается «не одними устами», говорят о внимании; осознание того, что он сам, его душа и его любовь находятся в руках Божиих, сопряжено с благоговением; императивы *Помилуй! Прости!* указывают на покаяние. Интенция просьбы или, скорее, мольбы о прощении находит прямое выражение в императиве *Прости!*, а вот слово «помилуй» в религиозном контексте обладает гораздо более глубокой, неоднозначной и многослойной семантикой, и, соответственно, императивное высказывание *Помилуй!* имеет очень сложную иллокуцию, что отдельно рассматривается в богословской литературе.

Мольба о прощении звучит и в другой молитве, которую упоминает в романе Левин: «*Одно утешение, как в этой молитве, которую я всегда любил, что не по заслугам прости меня, а по милосердию*» [10, т. 18, с. 43]. Вероятно, имеется в виду «Молитва 8-я, ко Господу нашему Иисусу Христу» из «Молитв утренних».

Перед своей свадьбой Константин Левин приступает к Таинству Покаяния, которое завершается разрешительной молитвой священника: «*Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами своего человеколюбия, да простит ти чадо*»... [10, т. 19, с. 8]. Л. Н. Толстой приводит только первую часть «разрешительной формулы», имеющей следующее завершение: «*И аз недостойный иерей Его властью мне данною прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь*». Первая часть разрешительной формулы представляет собой речевой акт со сложной адресацией и иллокуцией: его можно рассматривать как пожелание кающемуся (*ти чадо*) и как просьбу к Богу о прощении исповедника. Вторая часть является прямым перформативным высказыванием с интенциональным значением отпущения грехов.

Выше уже говорилось о том, что ситуации принесения извинения (метакоммуникативные и конвенциональные извинения по терминологии Р. Ратмайр) и ситуации просьбы о прощении (извинения по существу) накладывают разные обязательства на адресата с точки зрения его вербальной реакции. Метакоммуникативные извинения не накладывают никаких обязательств или даже не допускают словесной реакции на них. Например, Левин даёт ответ на вопрос Свяжского, никак вербально не реагируя на его извинение:

– Да, это: мы шапками закидаем, мы нашли то, чего ищет Европа! Всё это я знаю, но, **извините меня**, вы знаете ли всё, что сделано в Европе по вопросу об устройстве рабочих?

– Нет, плохо [10, т. 18, с. 353].

В случае конвенциональных извинений снятие вины является предсказуемым событием, конвенциональной обязанностью адресата в соответствии с правилами хорошего тона и выражается в стереотипной вербальной реакции. Например, в следующем диалогическом единстве этикетной реакцией может быть только минимизация вреда:

– Я не во время, кажется, слишком рано, – сказал он [Левин], оглянув пустую гостиную. <...>

– **О нет**, – сказала Кити и села к столу [10, т. 18, с. 52].

В случае конвенционального извинения за мелкую оплошность ответная реакция адресата может быть и необязательна.

Извинения по существу требуют дифференцированной вербальной реакции (неконвенциализированных ответных реплик). Адресат просьбы о прощении волен простить, отказать в прощении, минимизировать причинённый вред, ответить обвинениями, поучениями или проявить какую-то другую реакцию. Примером могут послужить ответные реплики Долли в разговоре с мужем, пытающимся загладить свою вину и выпросить прощение.

Отдельного рассмотрения требует паралингвистическая составляющая ситуаций «Извинение» в романе. Нередко даже при отсутствии вербальных извинений или просьб о прощении в речи персонажей авторский нарратив содержит словосочетания «виноватый вид / взгляд / тон», «виноватая улыбка», «виноватое выражение», «сказать виновато», «быть виноватым мальчиком», «взглянуть с виноватую мольбой», «виновато пожимать ее руку». Ярким примером, демонстрирующим роль невербального общения в ситуации просьбы о прощении и снятия вины, является эпизод романа [10, т. 18, с. 132], в котором Кити говорит сестре обидные слова, после чего «Долли молчит, грустно опустив голову». Далее просьба простить и само прощение осуществляются невербально с помощью жестов, движений, поз, положения относительно друг друга, а главное – с помощью слёз. Единственная реплика Кити, сопровождаемая авторским комментарием фонационной составляющей, является контекстуально-ситуативным речевым актом с интенцией просьбы о прощении, а последующий разговор сестёр вербально не имеет отношения к просьбе простить и прощению: «Кити, вместо того чтобы выйти из комнаты, как намеревалась, **села у двери и, закрыв лицо платком, опустила голову. Молчание** продолжалось минуты две. Долли думала о себе. <....> Но вдруг она услышала шум платья и вместе **звук разразившегося сдержанного рыданья**, и чьи-то **руки снизу обняли ее шею. Кити на коленях стояла** пред ней.

– Долинька, я так, так несчастна! – **виновато** прошептала она.

И **покрытое слезами** милое лицо **спряталось в юбке платья** Дарьи Александровны.

Как будто слезы были та необходимая мазь, без которой не могла идти успешно машина взаимного общения между двумя сестрами, – сестры после **слез** разговорились не о том, что занимало их; но, и **говоря о постороннем, они поняли друг друга**. Кити поняла, что сказанное ею в сердцах слово о неверности мужа и об унижении до глубины сердца поразило бедную сестру, но что она **прощала ей**» [10, т. 18, с. 132].

Нельзя не упомянуть и сцену прощения Карениным Вронского у постели находящейся на грани жизни и смерти Анны. Смысл акта прощения в этой сцене вербально выражен в реплике Анны, но сам акт совершается бессловесно: «Алексей

Александрович взял руки Вронского и отвел их от лица, ужасного по выражению страдания и стыда, которые были на нем.

– **Поддай ему руку. Прости его.**

Алексей Александрович **подал ему руку**, не удерживая слез, которые лились из его глаз [10, т. 18, с. 435].

Проведённый анализ ситуаций «Извинение» в тексте романа Л. Н. Толстого позволяет расширить представление о типологии таких ситуаций, а также о вербальных и паралингвистических средствах, используемых в каждой разновидности «извинения». Сравнивая этикетное выражение извинения и просьбы о прощении в речи героев-дворян романа «Анна Каренина» с тем, как это принято в современном этикете общения, можно сделать вывод, что отличие состоит в социостилистических характеристиках и частотности употребления некоторых этикетных формул. Ряд речевых единиц, используемых в ситуации «Извинение» в этикете общения дворян, в современном этикете являются маркированными как особо вежливые и остаются нехарактерными для узуса. Кроме того, видимо, существует различие и в том, насколько часто используются извинения в общении, а это обусловлено частотой грубого и вежливого коммуницирования тогда и сейчас. Здесь уместно следующее замечание Р. Ратмайр: «Частота употребления извинений коррелирует, кроме того, с манерой общения: при грубой манере разговора <...> ожидание услышать извинение будет напрасным <...>, но если речь в целом вежлива и не категорична, извинения встречаются в ней очень часто» [8, с. 44].

Список источников и литературы

1. Артамонова Е. В. *Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения: автореф. дис. ... канд. филологических наук. Казань, 2008. 19 с.*
2. Балакай А. Г. *Словарь русского речевого этикета. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Астрель, 2007. 768 с.*
3. Гольдин В. Е. *Этикет и речь. Изд. 3-е, доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 120 с.*
4. Ковалёва Т. В. *Речевой этикет в культурной традиции русского дворянского общества XIX в. // Дискурсы этики: альманах. Вып. I / под ред. В. Ю. Петрова. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. С. 15 – 24.*
5. Михальчук Т. Г. *Речевой этикет в художественной литературе. Могилёв: Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2005. 418 с.*
6. Михальчук Т. Г. *Русский речевой этикет: практикум. Минск: Вышэйшая школа, 2016. 319 с.*
7. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. *Русское коммуникативное поведение. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.*
8. Ратмайр Р. *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.*
9. Руднев В. П. *Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.*
10. Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928-1958. Т. 18. 1934. 557 с.; Т. 19. 1935. 520 с.*
11. *Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М.: ИКАР, 2012. 200 с.*
12. *Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения: 3-е изд. М.: ИКАР, 2018. 238 с.*
13. *Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.*
14. *Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 160 с.*

15. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1984. 193 с.
16. Чинова Л. Н. Просьба о прощении и принесение извинений // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997. С. 278 – 281.

References

1. Artamonova E. V. *Zhanry russkoy rechi: ispoved', pros'ba o proshchenii, prineseniye izviniyaya: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Genres of Russian speech: confession, request for forgiveness, presenting one's apologies: Abstract of Cand. Thes. ... Cand. Philol. Sciences]*. Kazan, Kazan State University Publ., 2008. 19 p. [In Russian].
2. Balakay A. G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa [Dictionary of Russian speech etiquette]*. Publ. 3, corr. and suppl. Moscow, Astrel' Publ., 2007. 768 p. [In Russian].
3. Gol'din V. E. *Etiket i rech' [Etiquette and speech]*. Publ. 3, suppl. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 120 p. [In Russian].
4. Kovalyova T. V. Rechevoy etiket v kul'turnoy traditsii russkogo dvoryanskogo obshchestva 19 v. [Speech etiquette in the cultural tradition of 19th century Russian aristocratic society]. *Diskursy ehtiki. Al'manakh.* no. I. Petrov V. Y., editor. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2012. Pp. 15 – 24. [In Russian].
5. Mikhal'chuk T. G. Rechevoy etiket v russkoy khudozhestvennoy literature [Speech etiquette in Russian fiction]. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2005. 418 p. [In Russian].
6. Mikhal'chuk T. G. *Russkiy rechevoy etiket: praktikum [Russian speech etiquette. Practice]*. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 2016. 319 p. [In Russian].
7. Prokhorov Y. Y., Sternin I.A. *Russkoye kommunikativnoye povedeniye [Russian communicative behavior]*. Publ. 2, corr. and suppl. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 238 p. [In Russian].
8. Rathmayr R. *Pragmatika izviniyaya: Sravnitel'noye issledovaniye na materiale russkogo yazyka i russkoy kul'tury [Pragmatics Apology. a Comparative Research on a Material of Russian Language and Culture]*. Translation from German by E. Aralova. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., 2003. 272 p. [In Russian].
9. Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury 20 veka [Dictionary of culture of the 20th century. Moscow]*, Agraf Publ., 1999. 384 p. [In Russian].
10. Tolstoy L. N. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 90 tomakh [90-volume complete works] 1928 – 1958.* Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ. Tom 18. *Anna Karenina. Chasti 1-4 [vol. 18. Anna Karenina. Parts 1 – 4].* 1934. 557 p. Tom 19. *Anna Karenina. Chasti 5-8 [vol. 19. Anna Karenina. Parts 5 – 8].* 1935. 520 p. [In Russian].
11. Formanovskaya N. I. *Kommunikativnyy kontakt [Communicative contact]*. Moscow, IKAR Publ., 2012. 200 p. [In Russian].
12. Formanovskaya N. I. *Kul'tura obshcheniya i rechevogo povedeniya [Culture of communication and speech behaviour]*, 3rd publ. Moscow, IKAR Publ., 2018. 238 p. [In Russian].
13. Formanovskaya N. I. *Rechevoye vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika [Speech interaction: communication and pragmatics]*. Moscow, IKAR Publ., 2007. 480 p. [In Russian].
14. Formanovskaya N. I. *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]*, 5th publ. Moscow, LENAND Publ., 2015. 160 p. [In Russian].
15. Formanovskaya N. I. *Upotrebleniye russkogo rechevogo etiketa [The Use of Russian speech etiquette]*, 2nd publ. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1984. 193 p. [In Russian].

16. Chinova L. N. Pros'ba o proshchenii i prineseniye izvineniy [Request for forgiveness and presenting one's apologies]. *Zhany rechí [Speech genres]*. no. 2. Saratov, 1997. Pp. 278 – 281. [In Russian].

Сведения об авторе

Бак Татьяна Александровна –
магистрантка факультета русской
филологии и документоведения
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: tatyana.bak2013@yandex.ru).

Information about the Author

Bak Tatiana Aleksandrovna,
master student of the Russian Philology and
Documentation Science Department of the
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: tatyana.bak2013@yandex.ru).